

ДАННЫЕ САМИ СЕБЯ НЕ СОБЕРУТ?

Антоновский Александр

Юрьевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: antonovski@hotmail.com

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник. Институт социологии ФНИСЦ РАН. Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; e-mail: raisabarash@gmail.com

Признавая в целом плодотворность понятия распределенного научного познания и отдавая должное значению исследования науки с точки зрения эпистемической (не)справедливости, мы хотели бы представить ряд сомнений в обосновании данного синтеза. Безусловно, трудно спорить с тем, что информант в этнографических исследованиях может выступать как соавтор и одновременно как объект исследования, «дающий сдачу». Здесь, очевидно, мы сталкиваемся с разнообразием эпистемических позиций и проистекающим отсюда распределенным знанием. Вопрос состоит лишь в том, в какой мере этот экзотический пример допускает обобщение в рамках социального познания, не говоря уже о естественно-научных и математических дисциплинах. Можно ли ожидать от туземцев особого рода математики или естественно-научных обобщений? То, что они готовы поделиться накопленными данными о туземной природе, в которых они разбираются лучше заезжих белых исследователей, не вызывает сомнений, но не является ли такая неполноценная функция поставщика научных данных скорее рудиментом колониального мировоззрения?

Ключевые слова: наука, общественное благо, распределенное познание, научная коммуникация

THE DATA WON'T COLLECT ITSELF?

Alexander Yu. Antonovski – DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: antonovski@hotmail.com

Raisa E. Barash – PhD in Political Science, Leading Research Fellow. Institute of Sociology of FCTAS, Russian Academy of Sciences. 24/35 Krzhizhanovsky St., bd. 5, Moscow 117218, Russian Federation; e-mail: raisabarash@gmail.com

While recognizing the general fruitfulness of the concept of distributed scientific knowledge and the importance of the study of science from the point of view of epistemic (in)justice, we would like to present a number of doubts about the rationale for this synthesis. Of course, it is difficult to argue with the fact that the informant in ethnographic research can act as a co-author and at the same time as an object of research, “giving change”. Here we are obviously faced with a diversity of epistemic positions and the resulting distributed knowledge. The only question is to what extent this exotic example allows generalization within the framework of social cognition, not to mention the natural sciences and mathematics. Can we expect a special kind of mathematics or natural scientific generalizations from the natives? That they are willing to share the accumulated data about native nature, which they understand better than visiting white researchers, is beyond doubt, but is not this inferior function of the provider of scientific data rather a vestige of the colonial worldview?

Keywords: science public good, distributed cognition, scientific communication

Кто осуществляет сборку «распределенных» эпистемических позиций?

На наш взгляд, гиденсовское понятие «двойной герменевтики», приводимое в обоснование и в качестве описания распределенного познания, характеризует несколько иное положение дело. Речь идет о том, что теоретизации и научные понятия через образование и популяризацию транслируются и усваиваются обывателями и этом – превращенном и упрощенном формате – анализируются и актуализируются социальными теоретиками в их понимании чужого понимания. Действительно, смыслы научных понятий глубоко внедрились в язык и сознание обывателя. Сложнейшие научные и философские термины (априори, парадигма, харизма, латентные функции и т.д.) стали практически обиходными и не употребляются только ленивыми. На первый взгляд, представляется, что благодаря этому эпистемическая справедливость как бы естественным образом восстанавливается. Но видят ли такие научно-ангажированные дилетанты концептуально больше и лучше ли они понимают социальную действительность через призму нестрогого употребления означенных понятий? Или, напротив, картина реальности скорее примет причудливые формы – как у деревенского жителя Глеба, героя известного шукшинского рассказа «Срезал»?

В этом смысле эта эпистемическая мультипозициональность и распределенность может не столько устранять, сколько выражать эпистемическое неравенство. Какой социальный теоретик или ученый не содрогнется или высокомерно не поморщится, услышав, как употребляются все научные понятия на ток-шоу или в таблоидах? В итоге этим – в высшей степени полисемантическим – употреблением научных понятий социолог все-таки придает свой собственный конечный мета-смысл. На уровне строгой науки (насколько это возможно в социальном познании) утверждается или хотя бы ожидается *единство позиций*, подразумеваемое в любой зрелой научной дисциплине. А искомое разнообразие эпистемических позиций на социально-научном уровне *понимания чужого понимания* в конечном счете гомогенизируется и восстанавливается в виде относительно непротиворечивых научных теоретизаций, общезначимых методологий, ведущих исследовательских программ.

С другой стороны, нельзя не признавать достижений «народной науки», в особенности в формате «народной психологии» или «народной лингвистики». Лучшим экспертом и носителем критериев корректного употребления языковых правил был и остается так называемый *native speaker*. Но все это скорее тривиальные случаи распределенного познания, поскольку обыватель остается некритическим и нерефлексирующим «носителем» правил и «выразителем» идей.

Менее тривиальный смысл «распределенного познания» в своем понятии «практического смысла» фиксирует Бурдье, который в каком-то смысле уравнивает повседневное познание и научное (методологически ориентированное) познание. Так, структуралистски и функционально ориентированный теоретик ищет глубинные структуры, латентные основания повседневных практик (например, института дара как социального обмена, календаря, интеграционного смысла ритуальных танцев). Однако, согласно Бурдье, он может и не понимать, что данные непосредственному участнику ритуалов «явные» поверхностные смыслы и функции имеют важный «практический смысл» [Бурдье, 2001]. Так, дар при всех взаимных ожиданиях «отдаривания» функционирует именно как дар, а не как структуралистски интерпретируемый обмен. Именно практические смыслы действий со-конституциализируют социальную реальность, которая на этом микроуровне воспринимается более адекватно самими практикующими действующими, нежели теоретиками, вскрывающими «глубинные макроструктуры».

Где остановиться в радикальной атрибуции соавторства?

Если всерьез применять принцип многообразия эпистемических позиций к научному познанию в целом и решать тем самым вопрос эпистемической справедливости, то возникает специфическая *проблема остановки* в бесконечно ширящемся «распределении знания», требующем включения все новых со-авторов. Так, следуя этой логике, мы вполне могли бы *радикализировать* этот подход и включить в состав соавторов научных достижений критиков и оппонентов, представителей конкурирующей парадигмы или исследовательской программы. Последние вовлечены в научную дискуссию и совместное производство знания в гораздо большей степени, нежели информанты и читатели, да и «сдачи» дают посильнее. Но даже здесь, как советуют Лавлок и Латур, мы не можем остановиться и исключать из списка потенциальных соавторов «коммуницирующих» с нами «актантов» (гравитацию, микробов, да и саму Гею-Землю [Lovelock, 2019]).

При всей гипертрофированности такой проблемы радикального соавторства нам не избежать ответов на ряд вопросов. Кто бы ни претендовал на занятие распределенных эпистемических позиций (информанты, оппоненты, актанты) и соответствующие роли соавторов, в любом случае научный результат соавторства должен претендовать на систематичность, интерсубъективность и смысловое (или предметное) единство. Не могут же соавторы научного текста расходиться

в своих суждениях? Но если каждая эпистемическая позиция получает проблемную, эпистемическую или семантическую (истинностную) автономию, то как это совместимо с требованием внутренней непротиворечивости, которое предъявляется к научному тексту?

Наука как общественное благо?

Концептуализация науки как общественного блага подразумевает его справедливое, более или менее равноправное распределение. В действительности, однако, такое распределение редко бывает честным и справедливыми. На этом более абстрактном уровне анализа понимания блага и справедливость образуют единое понятие или, по крайней мере, две стороны одной медали. При этом проблема несправедливости распределения общественных благ (чистого воздуха, госзащиты, медобслуживания, права на работу и других прав и свобод) проступает как минимум в двух формах: (1) в формате *фрирайдерства* и (2) *экслюзии из коммуникации*. Многие не соблюдают условия воспроизводства общественных благ (засоряют экологию, не платят налоги, не защищают свободу, когда на нее покушаются). Но многие лишены возможности пользования общественным благом: не могут покинуть экологически неблагополучные регионы, исключены из коммуникаций (политических, экономических, правовых, образовательных и, конечно, научных). Отсутствие паспорта (исключение из правовой коммуникации) приводит к исключению из экономической коммуникации (статусу безработного), исключению из образования, политики (неучастию в выборах) и безусловно – исключению из науки. Такое широкое понимание несправедливости как *общеобщественной* проблемы и механизмов ее устранения поможет нам лучше понять предложенное решение – апелляцию к понятию *распределения* научного познания как общественного блага.

В современном обществе проблема экслюзии из системной коммуникации решается посредством механизмов политической редистрибуции. Так, политическая система, как известно, перераспределяет общественное благо в пользу исключенных из социальных систем¹.

¹ Уже на этом уровне анализа общественного блага известно, что вернуть «исключенного» обратно в сферу потребления «общественных благ» очень сложно. Например, жителей фавел мотивируют сделать прививки (обеспечить медицинскую защиту) путем распределения талонов на продукты, которые тут же обмениваются на спиртные напитки, и процесс исключения переходит на новый цикл.

Применительно к науке это сопряжение *благо/несправедливость* формулируется в гипотезе, согласно которой распределенность познания в каком-то смысле нейтрализует несправедливость исключения из научной коммуникации: так, информанты «включаются» в научную коммуникацию. В связи с этим возникает, однако, ряд сомнений и вопросов. В каком статусе информант включен в научное познание или в научную коммуникацию? Их участие в отборе первичного материала не подлежит сомнениям. Но на этом подготовительном этапе, строго говоря, еще производится собственно научное знание (не обосновывается, не отбирается на основе методологических критериев, не интегрируется в доминирующие парадигмы, не критикуется, не верифицируется). Если же мы квалифицируем информантов в качестве участников лишь приуготовительной фазы научного познания, проблема несправедливости лишь усугубляется.

Разделение научного труда в этом смысле мало чем отличается от несправедливого, по сути, колониального, разделения экономического труда, когда одни участники выступают поставщиками дешевых ресурсов (телесных способностей, источников энергии, материальных ресурсов), а другие – потребляя их – поставляют высокотехнологичный продукт с большой добавленной стоимостью. Сегодня мировое распределение научного труда во многом выглядит аналогично. Одни страны поставляют «данные» в широком смысле (информацию о региональной фауне и флоре, геологические и климатические данные, социальную и иную статистику и т.д.)², а теоретический синтез, анализ и интерпретация данных осуществляются в научно-развитых странах и регионах, и именно такого рода материалы публикуются в высокорейтинговых журналах. В этом смысле ученый оказывается в ситуации *разгрузки* (работая с данными, которые собирают сами себя) и благодаря этому лишь увеличивает свою научную продуктивность и конкурентные преимущества в отношении гипотетической туземной науки.

Второе возражение касается самой научной коммуникации. Этически окрашенное понятие несправедливости, скорее, обращено к индивидам как участникам научного познания. Но решается ли заявленная проблема несправедливости путем инклюзии в научную коммуникацию «исключенных лиц»? На наш взгляд, из современной научной коммуникации исключаются все-таки не люди, а дискурсы, объединяющие и интегрирующие те или иные сообщества. Если же информанты – в виде исключения – все-таки оказываются включенными

² Даже в такой области высокой теории, как философия, международные высоко-рейтинговые журналы скорее примут к печати статью, посвященную российской («экзотической», «туземной») философии, например русскому космизму, нежели работу, посвященную дискуссиям в области современной мировой философии, где и без нас достаточно специалистов.

в научное производство (пусть и в неполноценном формате сборщиков данных), то принципиально это почти не сказывается на крайнем обособлении научной коммуникации, ее радикальном отграничении от жизненного мира остальных людей. Наука в своей высокоспецифической коммуникации и своим «птичьим языком» давно отдифференцировалась от иных публичных и частных дискурсов, лишилась внешней публики, характерной для иных коммуникативных систем (зрителей в искусстве, избирателей в политике, потребителей в экономике и т.д.). Более того, даже внутри коммуникативной системы науки функциональная «распределенность познания» не решает, а создает эпистемические несправедливости. Разделение на так называемых «*пиаев*» (principal investigators) и научный балласт привело к тому, что одни публикуются и цитируются, а другие читают и цитируют.

Третье возражение касается конкретного аргумента о распределении знания между учеными и экспертами, продвинутыми дилетантами и т.д. Такого рода распределенность превращает науку в своего рода «квантовый объект», лишенный определенности и четких коммуникативных границ. Наука в этом случае оказывается «размазанной» по широкому коммуникативному «полю». Информанты, эксперты, продвинутые потребители научного знания действительно могут выступать квалифицированными реципиентами и быть задействованными в процессе «фальсификации» в попперовском смысле, давать ту самую «сдачу» зазнавшимся авторам. Кажется, что здесь наконец они проникают в святая святых научной коммуникации – сферу обособления и верификации полученного знания. Но уравниваются ли благодаря этому эпистемические шансы на коммуникативный успех? Представляется, что белый колонизатор под маской ученого и в этом случае легко обратит ситуацию в собственную пользу. Он с удовольствием ответит на критику дилетантов, используя фальсифицирующие аргументы информантов и продвинутых читателей для усиления комплексности собственной аргументации. «Критика снизу» лишь увеличит объем и детализацию ответной статьи. Однако сомнительно, что у информантов в этом случае будет возможность подать апелляцию в суд высшей инстанции, предложить дополнительные аргументы и настоять на своей фальсификации. Разве примут у него статью, к примеру, в *Mind*?

В условиях такой «вертикальной» коммуникации вряд ли возможно типичное для науки коммуникативное осетевление в классическом формате продолжающейся (иногда десятилетиями) научной дискуссии. Дискурсивных способностей, времени, финансирования, общей эрудиции и квалификаций у информанта окажется для этого недостаточно. Одних требований к оформлению научной статьи по стандартам научного журнала будет достаточно, чтобы эксклюзивировать его из такого рода обременительной научной дискуссии.

Последнее слово в любом случае останется за инициатором дискуссии, включение в которую информантов напоминает массмедийные ток-шоу. У публики, по-видимости, имеются коммуникативные шансы на утверждение собственной позиции, но ведущий своим комментарием всегда поставит последнюю точку в любом массмедийном обсуждении.

Распределенная наука

Нужно ли нам отказаться от понятия распределенности познания в свете представленных возражений? Думается, нет. Это понятие распределенности следовало бы отнести скорее к самому *понятию* науки как шапочному нестрогому обозначению, представляющему научное познание на всех ее стадиях и семантических ответвлениях. Если мы рассматриваем науку как своего рода «квантовый объект», не определенный до тех пор, пока он не стал предметом наблюдения самых разных наблюдателей, то она действительно «распределена» или размазана по широчайшему коммуникативному полю. При этом несправедливости внутри самой науки может быть даже больше, чем представляется внешнему наблюдателю. Как быть, например, с нецитируемыми, но цитирующими исследователями, работы которых (если они вообще есть) не создают того, что принято называть «научным достижением»? При этом так называемый «научный балласт» выполняет, на наш взгляд, важнейшую функцию внутренней научной публики, которая в своей массе только и может по достоинству оценить достижения «настоящих» лидеров науки (что они и делают сегодня в ее социально-сетевых «реакциях», скачивая, цитируя, покупая, рецензируя то, что в конечном счете и именно благодаря такой реакции становится научными «бестселлерами»).

В настоящее время мы не имеем адекватного понятия науки как особой формы социальности, которое было бы соразмерно структурной сложности этого объекта и вытекало бы из более общей теории общества. Идет ли речь о теориях и методах³, моделях реальности, о сознаниях ученых, в которых эти модели представлены, о статьях, в которых они изложены, об экспериментах, о научных институтах и коллективах лабораторий, об исследовательских процессах, о внутренней структуре дисциплин, о научном знании и научной истине – все перечисленные структурные составляющие научного познания

³ Методы и теории – не истинные ли они авторы? По крайней мере, так выглядит дело с эволюционной точки зрения, где методы и теории, адаптируясь к внешнему миру (сознанию людей и предметам теоретических обобщений), конкурируют друг с другом и принимают все более эволюционно успешные формы? [Hull, 1988; Gould, 2002].

и претенденты на высокое звание «науки» (наряду с объектами исследования, дающими сдачи) находятся в системно-текущем, процессуальном состоянии и в конечном счете входят в *распределенное* понятие «наука», которая еще только ждет своего «квантового» определения.

В каком-то смысле мы действительно не знаем, где найдем «размазанное» в своих траекториях научное познание, пока не посмотрим на него и зафиксируем его локализацию, определенную позицией наблюдателя и научным интересом (эпистемолога, социолога или философа науки, научного администратора, технологического предпринимателя и т.д.).

Если же «данные собирают сами себя» (по крайней мере в перспективе их конечного интерпретатора), то нельзя ли отнести такую самосборку и к понятию эволюционирующего научного текста? Понятие «распределенности познания», если доводить его до логического завершения, требует от нас, чтобы понятие авторства фактически совпадало с понятием каузальных факторов, задействованных в кристаллизации научных текстов. Но такая «широкая сборка» гетерогенных причин и условий научного познания расфокусировала бы научное исследование науки. Может, просто вернуться к тому, чтобы – при всей условности и несправедливости исключения – оставить авторство за одним-единственным человеком, который нажимает на кнопку “submit”, отправляя рукопись в печать, и прежде всего *сам себя* считает автором научного текста?

Список литературы

Бурдые, 2001 – *Бурдые П. Практический смысл* / Пер. с фр. СПб.: Алетея, 2001.

References

Bourdieu, P. *Prakticheskiy smysl* [Le sense pratique], trans. from French. Saint Petersburg: Aleteia, 2001. (Trans. into Russian)

Dennett, 1987 – Dennett, D. *The Intentional Stance*, Cambridge, MA: MIT Press, 1987.

Goldman, 2006 – Goldman, A. *Simulating Minds: The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Mindreading*. New York: Oxford University Press, 2006.

Hull, 1988 – Hull, D.L. *Science as a Process: An Evolutionary Account of the Social and Conceptual Development of Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Lovelock, 2019 – Lovelock, J. *Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence*. London: Penguin Books, 2019.